

Война и мир: (не)насилие в эпоху СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ

Петар Боянич

Что такое «победа» с точки зрения православной этики войны?¹

Petar Bojanić

What Is "Victory" in the Ethics of War of Orthodox Christianity?

Петар Боянич (Институт философии и социальной теории, Белградский университет; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина) bojanicp@gmail.com.

Petar Bojanić (PhD; Professor, Institute for Philosophy and Social Theory, University of Belgrade; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin) bojanicp@gmail.com.

Ключевые слова: война, победа, православная этика, поражение, насилие

Key words: war, victory, Orthodox ethics, defeat, violence

УДК: 172.4+261.7

DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_126

UDC: 172.4+261.7

DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_126

Данная работа исследует понятие «победа» в войне и реконструирует различные аспекты, которые определяют условия этой победы. При этом автор пытается поставить вопрос о победе в контекст православной этики войны. Основной акцент делается на том, что победа в православной этике войны может интерпретироваться не только как военное преимущество, но и как прекращение насилия и наступление мира. Это не момент торжества победителя над побежденным, но наступление нового мирного порядка, сменяющего войну. В завершение текста автор раскрывает содержащийся в православной этике войны потенциал по переосмыслению победы. Анализируя богословскую литературу и фольклор, автор обнаруживает в них интерпретацию победы, не связанную с про-

This work studies the concept of "victory" in war and reconstructs various aspects that determine the conditions of this victory. At the same time, the author attempts to raise the question of victory in the context of Orthodox Christian ethics of war. The main emphasis is on the fact that victory in Orthodox Christian ethics of war can be interpreted not only as military advantage, but also as the end of war and the advent of peace. It is not a moment to celebrate the victor over the vanquished, but the coming of a new peaceful order that replaces war. At the end of the text, the author reveals the potential for rethinking victory contained within Orthodox Christian ethics of war. In analyzing theological literature and folklore, the author detects in them an interpretation of victory that is not connected with the glorification of the victor. Rather, what is discussed is regret about victory

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00851, <https://rscf.ru/project/23-18-00851/>.
The research was supported by a grant the Russian Science Foundation № 23-18-00851, <https://rscf.ru/project/23-18-00851/>.

славлением победителя. Скорее речь идет о сожалении о победе в связи с необходимостью применения насилия для ее достижения и отрицание своей роли в ней, коль скоро она невозможна без божественного участия. Победа, таким образом, становится духовной манифестацией смирения и приверженности ненасильственным заповедям. Подобный подход примечателен в нормативном отношении, поскольку требует от победителя милосердия и способствует смягчению последствий конфликта.

in connection with the necessity of using violence to achieve it and the denial of one's role in it, as it would be impossible without divine intervention. Victory thus becomes a spiritual manifestation of humility and adherence to nonviolent commandments. Such an approach is normatively remarkable, as it requires mercy from the winner and helps mitigate the consequences of the conflict.

Прежде чем разъяснить заявленную в заглавии попытку дать определение «победе» (в войне) и реконструировать различные составляющие ее условия, задумаемся над относительно новой и не вполне ясной фразой: «православная, или восточнохристианская, этика войны» (само понятие «этика войны», предложенное в январе 1915 года Бертраном Расселом (ср.: [Russell 1915]) и весьма распространенное в последние пятьдесят лет, предполагает выдвижение убедительных и весомых аргументов в пользу применения силы). На мой взгляд, разнообразные оправдания насилия и жестокости, равно как и размышления об оправдании войны в Российской империи, а позднее отчасти и в Советском Союзе, наряду с некоторыми попытками объяснить насилие и войну в других преимущественно православных государствах (Сербии, Греции, Болгарии) восходят к «этике войны», в значительной мере определяемой христианской верой. Однако в настоящее время в российских военных академиях не преподают этику войны, не встречается это понятие и ни в каких программах (или дискуссиях) по этике либо политологии. Даже между собой интеллектуалы, то есть философы, не обсуждают оправдание войны в современных условиях. Незвизрая на то что русские философы писали о войне по меньшей мере с середины XIX века (один автор даже использует бытовавшее тогда выражение «феноменология войны» [Бибиков 1861]), поскольку война ставила их перед серьезной дилеммой и испытанием с точки зрения как религиозных убеждений, так и значительных имперских амбиций России, после победы во Второй мировой войне и в период послевоенного социализма о войне как философской теме не говорили, не писали и не думали; применение государством силы и военные действия обсуждались только на уровне Политбюро, без привлечения представителей интеллигенции. Хотя после Второй мировой войны советская армия осуществила несколько вторжений, точное число которых назвать трудно, и вела длительную, изматывающую войну в Афганистане, военный опыт не вылился в осмысление различных этических проблем, важнейшая из которых — разница между справедливыми и несправедливыми войнами.

Перед миром в целом сейчас стоят общие проблемы: переосмысление концепции безопасности в соответствии с этическими принципами, борьба с терроризмом, новые технологии на службе вооруженных сил и их правомерность, виртуальная преступность и кибервойны, отношения с гражданским населением, сопутствующий ущерб и т.д., — публичное обсуждение этих проблем есть задача и долг критически мыслящего интеллектуала. Он должен обращаться к обществу со своими размышлениями по поводу старых и новых проблем, сопряженных с применением военных средств и насилия политическим и воен-

ным руководством, помогая принимать правильные решения и вместе с тем ограничивая военную мощь за счет того, что он привлекает к ней пристальный и критический взгляд общества.

Предлагая формулировку «православная этика войны»², я бы объяснил свою мысль следующим образом: во-первых, я хочу показать, что в русской традиции, на русском языке в первой половине XX века (до Второй мировой войны) уже существовал живой, теоретически состоятельный язык разговора о войне — как в Советском Союзе, так и в эмиграции. Размышления о войне, всплески пацифизма, необычайно оживленные споры о правомерности применения силы против агрессора временами оставляли далеко позади доводы и теории мыслителей, писавших тогда же на других европейских языках. В идеале следовало бы выявить все наиболее важные тексты и книги этого периода (опять же как в эмиграции, так и в СССР) на данную тему: философские, юридические, политические и художественные. Необходимо уделить особое внимание анализу отношений между силой (насилием) и законом, а также реконструкции двух ключевых идей: а) что насилие не имеет ничего общего с правом и б) что соблюдения правовых норм, справедливости или некоторого институционального порядка нельзя добиться без применения силы.

Второй шаг связан с разного рода проблемами, о которых интеллектуалы того времени — придерживавшиеся разных взглядов, жившие в Советском Союзе или за рубежом — писали, пытаясь осознать и осмыслить крайне скудную информацию о военных операциях, проводившихся Советской армией в странах Восточной Европы и Азии после Второй мировой войны. Очень важно уяснить и сформулировать потенциально существовавшую в России доктрину ведения войны (источниками которой служили марксизм-ленинизм, теория применения силы в православии, а также представления, сложившиеся в контексте Гражданской войны, народного ополчения и жесткого имперско-колониального правления в странах Восточной Европы). Такая доктрина, безусловно, вернула бы нас к различным этическим проблемам, в той или иной форме возникающим в обстановке войны и применения силы.

Третий шаг — сопоставление результатов такого исследования с концепциями «справедливой войны» и «этики войны», сформулированными прежде всего в англоязычном мире в период начиная с войны во Вьетнаме и заканчивая войнами против терроризма. Поскольку текстов, где четко проговаривались бы российские, советские или православные принципы ведения войны, не так много, мы получим возможность выявить конкретные различия между двумя вариантами «этики войны».

Мое намерение в этом тексте состоит в том, чтобы в несколько шагов дать предварительное объяснение природы победы: что значит побеждать или терпеть поражение? Какие значения есть у этих слов? Далее я хочу понять, как эти правила работают на примере разных конкурирующих между собой практик: на поле боя, в этике войны и в этике окончания войны (то есть при переходе от *ius victoriae*, «права победителя», к *ius post bellum*, «послевоенному

2 Ангелики Лайу в статье «Праведная война восточных христиан и священная война крестоносцев» [Laiou 2006], стремясь разъяснить взгляд православных христиан на войну и его место в общей «этике войны» (схожей во всех мировых религиях), недостаточно или неверно раскрывает понимание и оправдание применения силы с позиций, которые можно назвать православными. Ср.: [Bojanic 2020].

праву»). Можно предположить, что, если говорить о «победе» со всеми ее аспектами и смыслами этого многослойного понятия, в православной этике войны на первый план выйдет победа как окончание войны и прекращение насилия; можно наметить отличия этой этики войны и боевых действий от западной, отгалкиваясь от термина «победа».

Победа — это прекращение или приостановка насилия, но всегда только на время. И все же, когда насилие прекращается, как и на каких условиях это происходит? Как объявляют о прекращении насилия и за счет чего это решение получает силу? (Разумеется, одно из условий заключается в том, чтобы это заявление признали не только победитель и побежденный, но и «третья сторона»); так как победа или поражение задокументированы — в акте о капитуляции, письменном соглашении, договоре о репарациях и т.д., — они являются «социальным», или «институциональным» фактом.)

Победу трудно определить простыми словами³, и далее я перечислю безусловные необходимые условия победы (а также, хотя и не обязательно, поражения), которые помогут нам реконструировать характеристики победы, в теории позволяющие существенно уменьшить насилие и ущерб и помешать их повторению. Победа определяется в первую очередь отношением к противнику или врагу. Это отношение прямо или косвенно влияет на некоторые другие характеристики победы: во-первых, на представление о помощи в достижении победы и о разных видах содействия (или помех) победителю («победа не только моя заслуга» или «я победил (или потерпел поражение) благодаря вмешательству» друга, союзника, Бога, ангела-хранителя, колдовства и т.д.); во-вторых, на то, каким образом победа достигнута — всегда ли она аморальна в том плане, что нельзя победить, не прибегая к средствам и действиям, выходящим за рамки честного поединка.

Две последние характеристики победы (по сути, четвертый и пятый шаги, в теории предшествующие любой победе) я бы отнес к тому, что с большими оговорками можно назвать «православной этикой войны»: первая выражается в сожалении о победе или скорби о том, что пораженный противник «лучше» или «сильнее» и повержен «несправедливо». Вторая проявляется в отрицании

3 Английское слово *victory* «победа» происходит от латинского *victoria*, образованного, в свою очередь, от *vinco*, или *victus*, то есть «завоевать». Оксфордский словарь определяет «победу» как «положение или ситуацию, когда кто-либо одержал верх над врагом в сражении, на поле боя или в войне; превосходство, достигнутое в результате вооруженного конфликта» (см.: *The Oxford English Dictionary*. In 20 vols. Vol. 19. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 610]). В английский язык слово *victory* вошло в XIV веке, дополнив уже существовавшие понятия, такие как «успех» (*success*) или «борьба за права» (*vindication of rights*). Победа в конкретной военной кампании определяется заявленными целями. Хотя выдающегося прусского стратега Карла фон Клаузевица обычно считают сторонником тотальной войны, он пишет: «...в войне многие пути ведут к цели, причем не в каждом отдельном случае является надобность в сокрушении противника. Истребление неприятельских вооруженных сил, завоевание провинций противника, временная их оккупация с целью использования их средств, предприятия, непосредственно ориентированные на оказание давления на политические отношения, наконец пассивное выжидание ударов врага, все это — средства, из которых каждое, в зависимости от особенностей конкретной обстановки, может быть применено с целью преодолеть волю противника» (*Клаузевиц К. О войне* / Пер. с нем. А.К. Рачинского. М.: Госвоениздат, 1934. С. 25. Ср.: [Blum 2013]).

победы за счет того, что говорящий отрицает свою роль в ней и право на нее («я победил, потому что преодолел самого себя» или «победил не я, а Бог, я лишь Его орудие»). Смысл подобного сдвига или воображаемого союза с другим, который замещает победителя и таким образом стирает представление о поражении, состоит в том, чтобы предотвратить месть врагу и чрезмерную жестокость к нему (такой вымысел сдерживает); в конечном счете это способ превратить врага в друга.

Враг

Изменение смысла понятия «победа» и эволюция относящихся к победе правил связаны прежде всего с меняющимся отношением к врагу. Если Ксенофонт в «Киропедии» называл победой полное уничтожение врага и вражеского города («во всем мире извечно существует закон: когда захватывается вражеский город, то все в этом городе становится достоянием завоевателей — и люди, и имущество»⁴ (VII. V. 73)), позднее, после Крестовых походов XIII века, распространилось представление, что победителю отказано в праве не только убивать, но и разрушать святилища поверженного противника. После заключенного в 1648 году Вестфальского мира полномочия победителя существенно сократились: теперь его право (*ius victoriae*) сводится к тому, чтобы возместить ущерб, нанесенный ему до начала конфликта или войны [Whitman 2012]. Иными словами, право победителя не предполагает возможности делать с побежденным все что угодно, ограниченной лишь его властью и силой: он вправе только устранить причину, из-за которой и началась война. Тем не менее идея уничтожения врага (его имущества, останков, тела — Клаузевиц упоминает *Vernichtungsschlacht*, то есть битву на уничтожение) прочно закрепилась в иудео-христианской истории⁵. Два аргумента, касающиеся пределов и значения идеи уничтожения врага, прозвучали в начале прошлого века. В статье «Этика войны», прежде всего в разделе «Войны

4 Ксенофонт. Киропедия. М.: Наука, 1976. С. 178. Ср.: «Вещь, захваченная силой в ходе завоевания, переходит в собственность победившей стороны» [Chaniotis 2005: 456].

5 Ср.: «Вы спросите: какова наша цель? Отвечу всего одним словом: это победа. Победа любой ценой, победа вопреки всем ужасам, победа, как бы ни был долг и труден путь к ней, ибо без победы нас больше не будет» (из речи У. Черчилля перед Палатой общин 13 мая 1940 года, цит. по: [Монтефиоре 2009: 109]). То же страстное стремление к победе мы видим у полководца Александра Суворова: «Идешь бить неприятеля, умножай войска, опорожняй посты, снимай коммуникации. Победивши, обновляй по обстоятельствам, но гони его до сокрушения. Преследуй денно и ночью, пока истреблен не будет... Недорубленный лес вновь вырастает. Коли быть перипатетиком, то лучше не быть солдатом... Победа все покрывает» (Суворов А.В. Наука побеждать. М.: Рипол-Классик, 2021. С. 253). Знаменитый отрывок из проповеди святителя Филарета Московского часто цитируют в разных версиях; в частности, слова «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша» (Сочинения Филарета, Митрополита Московского и Коломенского: Слова и речи: В 5 т. Т. 1. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1873. С. 264) в более поздних цитатах и толкованиях подверглись искажению: «Люби врагов своих, сокрушай врагов отечества, гнушайся врагами Божиими». Казалось бы, призыв «поражать врагов отечества» мало чем отличается от призыва «сокрушать» их, но все же в первом случае он звучит мягче, так что «поразить» воспринимается как «отрезать», «вытеснить», «изгнать», «изолировать».

с целью колонизации», Бертран Рассел говорит о желании англичан уничтожить Германию:

Когда началась нынешняя война, многие в Англии воображали, что в случае победы союзников Германия перестанет существовать: она будет «уничтожена» или «разбита», а поскольку эти слова произносились энергично и с воодушевлением, люди не замечали, что они полностью лишены смысла. Немцев около семидесяти миллионов; если нам очень повезет и война окажется успешной, пару миллионов мы, может, и уьем. Все равно останется шестьдесят восемь миллионов немцев, а за несколько лет численность населения, сократившаяся в ходе войны, восстановится. Германия не просто государство, а нация, объединенная общим языком, традициями, идеалами. При любом исходе войны эта нация продолжит существовать и после нее, и нельзя навсегда лишить ее силы. Но люди до сих пор представляют себе войну так, как она описана у Гомера и в Ветхом Завете [Russell 1915: 135].

Так как уничтожение невозможно, не вполне ясно, что имеет в виду Георг Зиммель, рассуждая о «полной», «окончательной» победе (*vollständige Sieg*). Полная победа или уничтожение способны поставить под сомнение существование свободы, а также существование и единство группы победителей:

Поэтому полная победа над врагом в социологическом отношении не всегда благоприятна для победившей группы: связывающая ее энергия угасает, уступая место силам, разрушающим ее изнутри. Распад Латинского союза в V веке до нашей эры можно объяснить тем, что общий враг на тот момент был повержен [Simmel 2009: 287].

Две или три цитаты, которые я бы хотел привести, взяты из так называемых периферийных, побочных текстов (архивов, переписки, интервью и т.п.) и показывают прежде всего, что мир или победа (начало или прекращение войны) всегда зависят от другого (неприятеля или врага). С заключением мира и пацифизмом — а на самом деле с началом или прекращением войны — проблема в том, что существует миф о непримиримом враге, который грозит полностью нас уничтожить⁶. В 1965 году Жюльен Фройнд, друг, ученик и переводчик Карла Шмитта, защищал докторскую диссертацию «Сущность политического» («*L'Essence du politique*») перед комиссией, в которую входили его наставник Раймон Арон, а также Раймон Полен, Поль Рикёр и Жан Ипполит. В книге интервью, опубликованной им в 1991 году, Фройнд описывает полемику с Ипполитом:

И вот настал момент Ипполиту вмешаться. Он отдал должное моей работе, пользуясь доводами Арона; он сказал, что я слишком суров к Кельзену, но затем перешел к нашему главному разногласию, пункту, которого он не мог принять. «Остается категория друга-врага, определенная с политической точки зрения. Если вы действительно правы, мне остается только заниматься своим садом». На что я ответил: «Послушайте, месье Ипполит, за последнее время вы два или три раза повторили, что ошибались относительно Кельзена. Я боюсь, вы рискуете совершить еще одну ошибку, потому что, подобно всем пацифистам, думаете, что сами опре-

6 Ср.: «Вражда есть полное отрицание другого во всей его жизнедеятельности» [Husserl 1934: 12].

деляете врага. Но видите ли, как только мы больше не хотим иметь врагов, у нас их и не оказывается. Скорее враг определяет вас таким образом. И если он хочет быть вашим врагом, вы можете сколько угодно относиться к нему дружески. Как только он захотел видеть в вас врага, вы действительно таковым являетесь. И он даже не даст вам заниматься своим садом». Развязка получилась трагической, так как Ипполит отозвался: «Тогда мне остается только покончить с собой» [Freund 1991: 45].

Оригинальные размышления Франца Розенцвейга об истории войны и пацифизма, а также об этике взаимовыгодного решения конфликта можно найти в заключительной части его письма к родителям от 6 января 1917 года. Розенцвейг пишет, что только сейчас он понял суть пацифизма — сразу же после того как Вильгельм II официально выступил с предложением о мире (12 декабря 1916 года):

На самом деле пацифизм — это стало мне ясно недавно, после 12-го, — необходимый атрибут войны. Война ведется не для того, чтобы *принудить* (zwingen) противника — такое положение не продержалось бы долго, — а чтобы *подчинить* (unterwerfen) его себе, навязать ему собственную волю, *заместить* (ersetzen) его волю своей. Победитель стремится превратить побежденного не в орудие (потому что не *сможет* удерживать его под контролем), а в раба. Цель победителя не *уничтожение* врага, а подготовка почвы для нового *договора* с ним. Но в таком случае мы предполагаем, что и в душе врага теплится «желание мира», просто оно угасло, и задача войны — пробудить это желание. Когда желание «мира любой ценой» перевешивает способность переносить страдания (героизм), час мира пробил. И конечно, в отношении двух победителей это так же верно, как и в отношении одного. Поэтому пацифизм «стар как» война (то есть война *человеческая*, направленная на порабощение; животные знают только войну на уничтожение, поэтому у них нет пацифизма⁷.

Третий фрагмент заимствован из «Черных тетрадей» (1939—1941) Мартина Хайдеггера и написан, вероятно, в 1939 году, в период первоначальных военных побед Германии. Обычно объяснять надо поражение: побежденный пытается оправдать свою неудачу. Хайдеггер же в этом текст обосновывает власть победителя. В противовес Альберико Джентили и другим основателям международного права, Хайдеггер подчиняет закон победе и жизни, связывает их воедино и пытается найти для победы место вне закона. Победа, таким образом, становится всем, и победителю принадлежит всё⁸.

Победа над врагом еще не доказывает, что победитель прав. Но эта «истина» уже утрачивает силу, если право трактуется как то, что победой не только подтверждается и заверяется, но прежде всего утверждается и создается. Право в таком случае есть власть победителя, власть сверхсилы. Подобное право невозможно «кодифицировать»; ибо в его властном характере заложено, что одновременно,

7 Письмо Ф. Розенцвейга к родителям. 6 января 1917 года [Rosenzweig 1979: 327—328]. Ср.: [Војанић 2013: 1038—1040].

8 Любопытным образом хит 1980-х годов «The Winner Takes it All» группы ABBA оканчивается созвучным последнему предложению знаменитого текста Николая Велимировича (святителя Николая Сербского) «Азбука победы» можно перевести как «Победитель получает всё»: «Ко pobijedi, dobice sve» букв. «Кто победит, тот получит все» (*Николай Сербский, свят.* Азбука победы / Пер. с сербск. С.А. Луганской. М.: Покров, 2004. С. 323).

исходя из победы, выдвигаются дальнейшие правовые притязания, которые трактуются как «права» на собственную «жизнь» именно этого победителя [Хайдеггер 2020: 25].

При всем различии этих трех фрагментов они типичны для истории понимания вражды и конструирования образа врага на Западе. Определение врага в значительной мере носит теологический характер, так как его цель — уничтожить или нарушить существующий порядок (К. Шмитт, Ж. Фрейд). Ответ на враждебность со стороны врага тоже строится в теологическом ключе: врага необходимо уничтожить либо, если он откажется от своих разрушительных намерений, заключить с ним перемирие (Ф. Розенцвейг). Разумеется, мир с бывшим врагом всегда асимметричен, он подразумевает право победителя на власть над врагом (Ф. Розенцвейг), притязание на господство (М. Хайдеггер), обусловленное самой жизнью. Однако для начала следует понять: как победить и к каким средствам прибегает победитель, чтобы нейтрализовать разрушительную мощь врага?

«Кода: могут ли хорошие парни победить?» Попытка пересмотреть пару вопросов»

Позаимствовав заголовок у статьи Майкла Уолцера [Walzer 2013], я бы хотел кратко остановиться на двух близких, но все же разных вопросах, а затем попытаться дать предварительный, но достаточно обоснованный ответ. Как победитель добивается победы? И может ли человек или солдат на войне, действующий и оценивающий собственные действия, оставаться хорошим (хорошим человеком), несмотря на все зло (всю бесчеловечность), которое его окружает? Однако в том виде, в каком этот вопрос сформулирован в подзаголовке, он не понятен, потому что выливается в другой вопрос: зачем кому-то оставаться хорошим на войне или после нее? Есть ли достаточные основания говорить об отдельно взятом человеке или обо всех людях как индивидах на войне, которая преимущественно представляет собой коллективное, институциональное действие? Вопрос Уолцера конкретнее: в музыке кодой называют заключительную часть произведения или его части, она может служить решающим финалом или дополнением. Поэтому «кода» Уолцера — размышление о том, может ли группа людей («парни») победить, оставаясь хорошими. Но что значит «быть хорошим»? Разница между единственным и множественным числом, между конкретным человеком, который должен (обязан) оставаться хорошим, и коллективом, группой, собранием людей, которые все вместе должны оставаться хорошими, обуславливает различие этических позиций в православном и западном понимании этики войны⁹. В первом случае некий или вообще любой человек должен пережить войну, сохранив человечность вопреки происходящему; во втором группа людей должна прежде всего победить, вопрос лишь в том, придется им для этого нарушать принципы справедливой войны или нет.

Слово «победить» (или «победа») предполагает крайне расплывчатые правила (или процесс), определяющие существенную разницу между двумя рас-

9 Слово «западный» в данном случае неточно, но условно объединяет очень разные представления об этике войны, прежде всего в иудаизме и западном христианстве.

смагриваемыми вопросами. Нет сомнений, что подразумеваемая Уолцером дилемма уходит корнями именно в западную традицию, где победа — один из способов разрешения конфликта, противоположный компромиссу (Зиммель), и что «победоносная война есть общественный идеал» (Эрих Кауфман)¹⁰.

Но, пусть даже само это понятие не вполне ясно, можно с уверенностью сказать, что победа предполагает более или менее агрессивное уничтожение, иногда подчинение, остракизм или полную маргинализацию противника, то есть другого. Вместе с тем в силу множества разных причин трудно говорить о победе в контексте православной этики войны¹¹. Одна из главных причин в том, что поражение в войне парадоксальным образом лучше помогает народу сохранить веру и духовную жизнь. (Например, «Косовский завет», миф о котором возник после поражения средневековой сербской армии в битве с османскими войсками, лег в основу сербской государственности; согласно мифу, сербы в этом сражении стремились прежде всего не к военной победе и не к удержанию земной власти, а к стяжанию Царства Небесного.) К тому же кто победит, зависит от воли Божьей, а не от силы людей или оружия. Бог часто мыслится и как непосредственный участник войны, а поражение в войне объясняется тем, что вели ее неверующие¹². Отсутствие рассуждений о военной победе и ее разнообразных составляющих влечет за собой два важных последствия, касающихся применения насилия и регулирования его масштабов. Суворов в «Науке побеждать» прямо запрещает убивать без причины, потому что «солдат не разбойник» (а разбойникам Бог не помогает). Интересно, что российские, а затем и советские военачальники в целом повторяют схожие принципы православного понимания оправданного применения силы. Пока что мы не видим здесь отличий от попытки Майкла Уолцера обеспечить «хорошим парням» реальный шанс в конце концов победить. В заключении Уолцер пишет:

Необходимо учить солдат сражаться честно, а их офицеров — наиболее подходящим способом этого добиться. Жестокость зачастую порождена именно некомпетентностью. На войне много стихийное жестокости, особенно «в пылу сражения», и я не собираюсь закрывать на это глаза. Но хорошо обученные и дисциплинированные армии обычно менее жестоки, а их офицеры и солдаты менее склонны думать, что для победы необходима жестокость [Walzer 2013: 442].

На мой взгляд, понятие и принцип «убийства при самообороне», употребляемое в последние десять лет в разных текстах, посвященных теории справедливой

-
- 10 Ср.: «Общественный идеал — не “сообщество людей, наделенных свободной волей”, а победоносная война: война как последнее средство достижения конечной цели. В войне государство утверждает свое подлинное бытие, она его величайшее достижение, и именно на войне в полной мере проявляется его самобытность» [Kaufmann 1911: 140].
- 11 Безусловно, первая проблема — сама этимология славянского слова «победа». В этимологическом словаре Макса Фасмера «победа» означает также поражение, несчастье, потому что содержит в себе слово «беда».
- 12 В миссионерском письме 271 Николай Велимирович, обращаясь к загребскому писателю, говорит о войне: «Вы спрашиваете, как Господь может попускать такое несчастье людям, где же благое Его учение? На бумаге. Если бы оно было начертано в сердцах человеческих, люди жили бы в мире» (*Николай Сербский, свят.* (Велимирович). Миссионерские письма / Пер. с сербск. С.А. Луганской. М.: Изд-во Моск. подворья Свято-Троиц. Сергиевой лавры, 2005 (https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/misionerskie-pisma/271 (дата обращения: 16.08.2023))). Подобные рассуждения можно найти и у Иоанна Кронштадтского.

войны, хорошо объясняет, как регулировать жестокость в ходе насильственных действий. Однако проблема не только в насилии, совершенном в состоянии аффекта («в пылу сражения») одним человеком или группой, но и в последовательной жестокости и нарушении правил войны ради какой-либо цели (или ради победы)¹³.

Второе следствие наличия или отсутствия фиксированных правил, касающихся победы, состоит в разделении индивидуального и коллективного насилия. Война не личное действие, и отдельные личности, как правило, не решают ее исход. Четкая формулировка цели войны с самого начала, равно как и установленный ритуал победы по ее окончании, могут защитить от остракизма тех, кто «успешно» и «эффективно» прибегал к жестокости¹⁴. И дело не только в этом: победа подразумевает оправдание нарушения обеими сторонами принципов справедливой войны или же отдельных проявлений бесчеловечности, более того, представляет их как *необходимые* для выживания группы. Если эта группа победила, то есть если она все еще существует, она не может быть основана на несправедливых принципах. Поэтому победа не дает группе распасться, и наоборот: только группа, продолжающая существовать после некоторых коллективных действий ее членов или группы как целого (обладает ли группа агентностью?), воплотила общественный идеал победы.

Дилемма Уолцера относительно «нечистых рук» позднее трансформировалась в куда более сложные принципы чрезвычайных обстоятельств и асимметричной войны¹⁵. Важно признать, что трудно и даже невозможно строго соблюдать правила в непредсказуемых обстоятельствах военного конфликта. Тем не менее сегодня наша реальность именно такова. Я предлагаю несколь-

13 Дилемма, о которой пишет Уолцер, восходит к его же статье «Проблема грязных рук», опубликованной в журнале «Philosophy & Public Affairs» в 1973 году [Walzer 1973]. Проблема тривиальна. Как пишет Уолцер: «Говорят, он хочет победы на выборах, но не хочет запачкать рук» [Walzer 1973: 165]. Уолцер вспоминает знаменитый вывод Макиавелли, что полководцу или правителю следует научиться «отступать от добра», ведь в мире «множество людей, чуждых добру». Таково первое условие победы и успеха в обществе. «...Желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности» (*Макьявелли Н. Государь* / Пер. с итал. Г. Муравьевой // Макьявелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. М.: НФ «Пушкинская библиотека»; Издательство АСТ, 2004. С. 101).

14 В статье 1973 года Уолцера цитирует Василия Великого: «...Наши отцы не считали убийства на войне убийствами... Но, может быть, не худо посоветовать, чтобы они [воины], как имеющие нечистые руки, в продолжение трех лет удерживались только от приобщения» (правило 13. Правила свт. Василия Великого // <https://azbyka.ru/pravo/vasiliya-velikogo-13/> (дата обращения: 16.08.2023)).

15 Уолцера беспокоят реальные проблемы, с которыми сталкиваются солдаты и гражданское население. Так, в 2010 году газета «The New York Times» писала о солдате, жаловавшемся на правила ведения войны в Афганистане, в особенности на то, как трудно победить [Walzer 2013: 433]. В интервью 2015 года Уолцер прямо говорит о проблеме асимметричной войны и победы: «Асимметричные войны можно выиграть, как мы видели на примере войны Шри-Ланки против повстанцев — «тамильских тигров», но только если вы готовы в больших количествах убивать гражданское население и мир за вами не наблюдает. Но если вы стараетесь придерживаться моральных принципов ведения войны, вы не сможете победить. В этом основная проблема асимметричных войн» [Walzer 2015: 61].

ко вариантов ответов на поставленные в начале вопросы: невозможно остаться человеком, вовлекаясь в ситуацию за гранью человечности (или создавая такую ситуацию); победа покрывает жестокость отдельных людей и вместе с тем неизбежно предполагает какое-то количество «дурных дел», которые она накапливает и хранит; «хорошие парни» могут победить, потому что дурные поступки отдельных людей иногда вносят значительный вклад в победу и в существование группы.

«Убить или повергнуть того, кто лучше»

В книге «Ex Captivitate Salus» («Спасение из плена»), опубликованной сразу после его допроса в 1946 году в Нюрнберге, Карл Шмитт вспоминает:

Осенью 1940 года, когда Франция лежала поверженная, у меня был разговор с югославом, сербским поэтом Иво Андричем, которого я очень люблю. Нас объединяли общие познания и преклонение перед Леоном Блуа. Серб рассказал мне одну из легенд своего народа: Марко Королевич, герой сербского эпоса, целый день сражался с могущественным турком и после тяжелой схватки одолел его. Когда он убил поверженного врага, змея, спавшая у сердца мертвеца, проснулась и сказала Марко: «Твое счастье, что я спала, пока шел бой». Тогда герой воскликнул: «Горе мне! Я убил человека сильнее меня!» Тогда же я пересказывал эту историю некоторым друзьям и знакомым, в том числе Эрнсту Юнгеру, квартировавшему в Париже в качестве офицера оккупационных войск. На всех нас она произвела глубокое впечатление. Но нам было ясно, что сегодняшние победители не должны поддаваться под обаяние средневековых легенд. Это ты тоже верно предсказал, бедный, поверженный Токвиль! [Schmitt 1950: 32–33].

В разговоре со Шмиттом Иво Андрич, на тот момент посол Югославии в Берлине, а позднее лауреат Нобелевской премии по литературе, рассказывает о Марко Королевиче, пожалуй, главном сербском герое и «победителе», положившем начало «подлинной традиции» (мифологической или «сербской»). Беседа эта почти наверняка происходила в присутствии жены Шмитта Душки Тодорович (часто читавшей и переводившей Шмитту сербскую поэзию), и Андрич обратился к одной из самых известных песен сербского эпоса («Марко Королевич и Муса-разбойник»), пересказав эпизод весьма сомнительной победы Марко над «турецким» витязем Мусой Кеседжией (Мусой Разбойником). Ее финал передан точно, и понятно, почему она так впечатлила Шмитта:

Это слышит Королевич Марко.
По лицу его катятся слезы:
«Горе мне, клянуся вышним богом,
Лучшего, чем я, убил юнака».¹⁶

Сегодняшние победители, несомненно, могли бы и, пожалуй, должны были бы следовать такой «науке побеждать», которую в идеале можно вписать в ко-

16 Марко Королевич и Муса-разбойник / Пер. с сербск. И. Голенищева-Кутузова // Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 11. Песни южных славян. М.: Художественная литература, 1976. С. 173.

декс православной этики войны. В рамках этой этики победитель искренне раскаивается, нарушая правила поединка или войны, молит Бога об отпущении грехов и, может быть, даже обещает впредь поступать милосердно, то есть вести себя иначе, чем жестокие победители нашей эпохи (о чем говорит Шмитт). Легендарный герой Марко признает, что его противник, в отличие от него самого, не нарушил правила ведения боя и не просил о помощи других. Эта история победы — стилизованное изложение православной точки зрения, и в ней есть несколько элементов, которые необходимо кратко перечислить: а) идея помощи — победа всегда достигается благодаря другому: Богу¹⁷, ангелу-хранителю, змее, материальному предмету, тайному союзнику, скрытому оружию; б) победа достигается усилиями многих или принадлежит многим, кто делит между собой ответственность, в то время как окончательное решение принимает Бог, высшее существо; в) наука побеждать или путь к победе — в самоуничтожении победителя.

Славный пример Марко, негативного героя или негативного победителя, необязательно обесценивается тем, что мы находим в упомянутой песни, до или после процитированных строк (о которых и говорили Андрич со Шмиттом). В конце концов, чем так расстроен сербский герой? Может быть, вражда Марко и Мусы в этой песне изображена не вполне отчетливо: кто здесь истинный серб, а кто турецкий вассал? Кто есть кто и какова природа их вражды? Романтический принцип, который подчеркивает Андрич (и Шмитт), предстает в ином свете, если мы обратимся к некоторым «фактам»: Марко был уже почти повержен, поединок происходил в воскресенье, королевич убил Мусу при помощи уловки — припрятанным ножом, он (в противоположность своему врагу) прибег к тайному, нечестному средству, просил помощи не у Бога, а у ангела-хранителя и т.д. Вот как завершается песнь — вот что следует за раскаянием Марко, его слезами и молитвой:

Отрубил он голову албанцу,
Бросил в торбу, и вскочил на Шарца,
И поехал к белому Стамбулу.
Выкатил он голову султану.
Подскочил султан, ее увидя.
И тогда промолвил Королевич:
«Ты не бойся, царь и повелитель, —
Как бы ты живого встретил Мусу,
Коль пред мертвой пляшешь головою!»
Получил он три вьюка соковищ.
Едет Марко к белому Прилепу.
Мертвый Муса лежит обезглавлен
На вершине Качаника снежной¹⁷.

16 Ср.: «Прилепись к Нему и с мыслями о победе шагай смело вперед. Бог в тебе побеждать будет вместо тебя. Ему приписывай все победы, а себе оставляй радость» Духовные наставления и притчи святителя Николая Сербского / Пер. с серб. И.А. Чароты. Минск: Изд-во Дмитрия Харченко, 2014. С. 162. Победе императора Константина над Максенцием в 312 году н.э. предшествовало мистическое видение Константина: звезды на небесах образовали крест ярче солнца, на котором по-гречески было написано: «Сим победиши».

17 Марко Королевич и Муса-разбойник. С. 173.

В финале песни тот, кто потерпел поражение, все еще присутствует, в каком-то смысле обретая бессмертие, все еще лежит на том месте, где он был убит. Идея невозможности полного уничтожения врага или окончательной несправедливости предполагает, что невозможна и полная победа, даже невзирая на стремление победителя сначала творить несправедливые дела, а затем каяться в них. Нельзя не отметить новизну подобных установок для сложной истории понятий справедливости и победы.

Библиография / References

- [Бибиков 1861] — *Бибиков П.А.* Фемениология войны (по поводу новой книги Прудона: La guerre el la paix) // *Время.* 1861. Т. 6. № 12. С. 412—437.
- (*Bibikov P.A.* Femenologiya voyny (po povodu novoy knigi Prudona: La guerre el la paix // *Vremya.* 1861. Vol. 6. No. 12. P. 412—437.)
- [Монтефиоре 2009] — *Монтефиоре С.С.* Речи, которые изменили мир / Пер. с англ. И. Матвеевой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2009.
- (*Montefiore S.S.* Speeches that changed the world. Moscow, 2009. — In Russ.)
- [Хайдеггер 2020] — *Хайдеггер М.* Размышления XII—XV (Черные тетради 1939—1941) / Пер. с нем. А.Б. Григорьева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020.
- (*Heidegger M.* Schwarze Hefte. Moscow, 2020. — In Russ.)
- [Blum 2013] — *Blum G.* The Fog of Victory // *European Journal of International Law.* 2013. Vol. 24. Iss. 1. P. 391—421.
- [Bojanic 2013] — *Bojanic P.* Pacifism: Equipment or Accessory of War? // *Philosophia.* 2013. Vol. 41. No. 3. P. 1037—1047.
- [Bojanic 2020] — *Bojanic P.* Violence and 'Counter-Violence'. On Correct Rejection. A Sketch of a Possible Russian Ethics of War Considered through the Understanding of Violence in Tolstoy and in Petar II Petrovic Njegos // *RUDN Journal of Philosophy.* 2020. Vol. 24. No. 4. P. 657—668.
- [Chaniotis 2005] — *Chaniotis A.* Victory' Verdict: The Violent Occupation of Territory in Hellenistic Interstate Relations // *La violence dans les mondes grec et romain* / Ed. by J.-M. Bertrand. Paris: Editions de la Sorbonne, 2005. P. 455—464.
- [Freund 1991] — *Freund J.* L'aventure du politique. Paris: Critérian, 1991.
- [Husserl 1934] — *Husserl E.* Die E-Manuskripte III 8, 1934.
- [Kaufmann 1911] — *Kaufmann E.* Das Wesen des Volkerrechts. Tübingen: Scientia Verlag Aalen, 1911.
- [Laiou 2006] — *Laiou A.* The Just War of Eastern Christians and the Holy War of the Crusaders // *The Ethics of War. Shared Problems in Different Traditions* / Ed. by R. Sorabji, D. Rodin. Oxford: Routledge, 2006. P. 30—43.
- [Rosenzweig 1979] — *Rosenzweig F.* Der Mensch und sein Werk. 1. Briefe und Tagebücher. Haag: Martinus Nijhoff, 1979.
- [Russell 1915] — *Russell B.* The Ethics of War // *The International Journal of Ethics.* 1915. Vol. 25. No. 2. P. 127—142.
- [Schmitt 1950] — *Schmitt C.* Ex Captivitate Salus. Köln: Greven Verlag, 1950.
- [Schmitt 2017] — *Schmitt C.* Ex Captivitate Salus / Ed. by A. Kalyvas, F. Finchelstein. Cambridge: Polity, 2017.
- [Simmel 2009] — *Simmel G.* Conflict // *Sociology. Inquiries into the Construction of Social Forms.* Leiden; Boston: Brill, 2009. P. 227—305.
- [Walzer 1973] — *Walzer M.* The Problem of Dirty Hands // *Philosophy & Public Affairs.* 1973. Vol. 2. No. 2. P. 160—180.
- [Walzer 2013] — *Walzer M.* Coda: Can the Good Guys Win? // *The European Journal of International Law.* 2013. Vol. 24. No. 1. P. 433—444.
- [Walzer 2015] — *Walzer M.* Interview // *Journal of Political Thought.* 2015. Vol. 1. No. 1. P. 50—66.
- [Whitman 2012] — *Whitman J.Q.* Introduction // *The Verdict of Battle. The Law of Victory and the Making of Modern War.* Boston; London: Harvard University Press, 2012. P. 1—24.